

ДИНА ШИНИГАМОВА

Херц

КРОВЬ ДОМА
БАЗААРД
ТОМ 2

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

МИОО

*Добро пожаловать в Сат-Нарем.
Тебя здесь никто не ждет*

ДИЛОГИЯ «ХЕСКУ»

I

КРОВЬ ДОМА БАЗААРД
ТОМА I–2

II

ТЕНИ САТ-НАРЕМА
ТОМА I–2

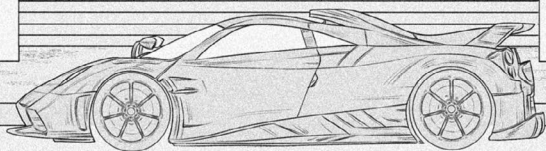
«Хеску. Глубже в историю»

Путеводитель по миру хеску

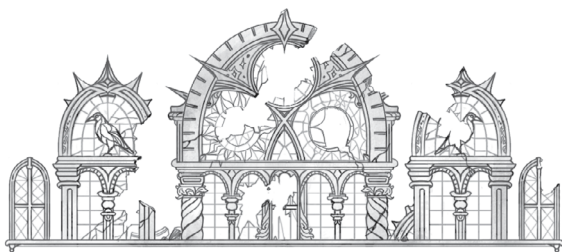

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ЧАСТЬ III

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

29

Брезгливо передернув плечами, Марет Риттора в сотый раз оглядела темные закопченные стены, узкие окошки с мутными стеклами и кособокий столик, за которым сидела. Она даже не решилась опустить на него руки, боясь испачкать добротную ткань жакета, пусть его и прикрывал широкий черный плащ с капюшоном.

Необходимость выглядеть незаметной Марет претила, но мысль, что кто-то увидит ее в таком месте, как это, претила еще больше.

То, что в богатых кварталах Сат-Нарема называлось местом встреч, здесь, недалеко от владений шакалов, на территории диких хеску, было просто захудалым двухэтажным домишкой с облезлой краской на стенах и темными закутками, отгороженными чахлыми переборками, вместо нормальных отдельных кабинетов. Увидев адрес, Марет сначала глазам своим не поверила, пытаясь в названии «Старый пламень» и кратком описании пути увидеть хоть какие-то знакомые ориентиры. Такие, как она, не спускались с верхних этажей твердынь месяцами, и, хотя Марет понимала, что ни одна из общих комнат на приличествующей высоте для их целей не подходит, мысль о спуске «к земле», тем более в такое захолустье, ее шокировала.

Но она видела цель и шла к ней любыми путями. Даже через грязную забегаловку в пограничном квартале.

В «Пламени» было пустовато — время дневное, тусклый свет слепого неба едва пробивался через унылые окна, большинство диких разбрелись по городу, чтобы заработать свои медяки. Марет осторожно оглядела тех, кого ей было видно. Вот этот долговязый детина с длинными конечностями и пустыми глазами наверняка лось. В отличие от царственных собратьев-олений они не блистали ни грацией, ни умом. Ничего не хотели и ни к чему не стремились, поколениями прозябая в своей нише чернорабочих. Вот тот старенький мужичок с клоками седых волос, торчащими из-под засаленного котелка, и с наждачкой белой щетины на впалых щеках явно какой-то мелкий хищник, по глазам видно — должно быть, ласка, или горностай, или куница.

Марет не удержалась и снова передернула плечами, надежно укутанными от промозглости Сат-Нарема в слои дорогой ткани: шелк белья, кашемир платья, тонкой выделки шерсть жакета. С плащом пришлось повозиться, ища самый простой и неприметный, чтобы не выделялся на фоне этой облезлой дыры. Нашелся в сундуке черный лен — остался с какого-то костюмированного бала, когда внезапно решили поставить сценку о первых днях Сат-Нарема, тогда еще просто кратера в земле с бело-голубыми ранами разломов.

Марет опустила голову, пряча лицо под накинутым капюшоном. Здесь до нее никому не было дела, раз заплатила — сиди хоть весь день, и у нее хватило сообразительности выложить на щербатую стойку распорядителя не сверкающий серебряный кругляшок, невиданный в этих краях, а медяк, блестящий как будто бы от многочисленных прикосновений.

Как живут они, дикие? Марет было странно видеть такое многообразие видов в одном помещении. Балы не в счет. Она родилась среди воронов, повзрослела и выросла, черный был ее цветом, ее сутью, плотью и кровью.

Черный и серебряный. Только серебряного должно быть больше, много больше.

Марет на мгновение прикрыла глаза, представляя себе наряд, достойный не главы семьи, а главы клана: черная легкость кружев, шелестящая прохлада шелкового подола и густо расшитые серебром рукава и лиф. Чтобы все знали: она — Владыка. Старый стервец Тиор почему-то пренебрегал своим правом носить больше семейного цвета, и в этом Марет виделась не скромность или сдержанность, а, наоборот, гордыня — дескать, меня и так знают, мне незачем подчеркивать свой статус.

А она бы вот подчеркнула. Ша-Риттора.

Марет так замечталась, что не заметила протяжного скрипа входной двери, и потому, когда на шербатую скамью напротив опустилась фигура, укрытая поношенным серым плащом, вздрогнула от неожиданности.

— Не стоит так переживать, шеру. — В хрипловатом голосе слышалась почти нескрываемая насмешка. — Вы что-то слишком напряжены.

— Место не из приятных. — Марет скривила губы. — Не знаешь, чего и ждать.

Из-под капюшона послышался тихий ядовитый смешок.

— Новых перспектив.

Марет фыркнула, перебирая пальцами веер, — брать его сюда не стоило, дикие веерами не пользовались, но вдолбленные с детства правила этикета велели не складывать руки, а занимать их приличествующим аксессуаром.

— Ближе к делу. — Она попыталась заглянуть под капюшон, хотя и так прекрасно знала, кто там прячется, — поняла по записке, по тону письма, да и в таёбу отчетливо читалась ледяная остринка, свойственная их роду.

— Не любите рассусоливать? — В голосе, казалось, послышалось легкое удивление, но скорее приятное. Да, за Марет закрепились репутация светской дамы, неукоснительно следующей правилам поведения и легко ведущей пустые

вежливые беседы сколь угодно долго, но не когда разговор шел о серьезных делах. — Что ж, я тоже.

Приподнимая край вылинявшего до серости плаща, на стол опустилась рука, а когда она вновь скрылась, на замызганной поверхности остался лежать зеленый дубовый лист.

Брови Марет поползли вверх помимо воли: старый знак предложения совместных дел, если не союза. Она не сдержалась и еще раз заглянула в тьму капюшона — специально или нет, но теперь под ним ясно блеснул изумруд глаз.

Марет крепче стиснула веер, подавляя желание разложить его и обмахнуться пару раз. Она смотрела на дубовый листок, будто под ее взглядом он должен был развеяться, словно морок. Принять лист — принять предложение.

Марет уперла в него край сложенного веера и медленно пододвинула к себе.

— Я слушаю.

Пинит Минселло поправила капюшон, убирая из-под него тьму, делая свое лицо более различимым. На карминových губах ее проступила хитрая усмешка.

Вести такие разговоры — измена. Одно дело мечтать. Намекать. Приводить логические доводы. Но разговаривать с главой вражеского клана — однозначная измена, и сердце Марет гулко билось в груди под дорогой тканью платья и жакета, под все равно слишком новым и чистым для этого места плащом. Усилием воли она поставила на мысли заслон, не желая выдавать свое волнение лисице и надеясь, что сила ее таэбу позволит это сделать.

— У нас с вами, шеру, есть один общий хеску, чье существование делает нашу жизнь некомфортной, — тягуче начала Пинит. Голос — чистый мед, не зря в человеческом мире лисы ассоциируются с хитростью и коварством. — И я думаю, что нам обеим было бы намного проще, если бы он исчез.

Марет вскинула на Пинит глаза, скептически выгибая бровь. Такие величины, как ша-Базаард, не исчезают просто так, и, если лисица этого не понимает, она просто дура.

— О нет, я не имею в виду ничего такого, — надтреснутым колокольчиком рассмеялась Владыка, — это было бы глупо. Нужно действовать тоньше.

Марет вновь опустила взгляд на дубовый лист, который теперь лежал на самом краю стола. Протяни руку — коснешься.

— Что вы имеете в виду?

Минселло повернулась к окну — беспечно, будто через заляпанные стекла что-то можно было разглядеть. Будто и не заговор они тут плели.

При мысли о последствиях Марет похолодела, но тут же отогнала предательский мороз с пальцев.

— Все должно быть законно, — наконец произнесла Пинит. Размеренно, вдумчиво, будто проговаривала давно заготовленную речь. Впрочем, такие, как она, ничего не делают сгоряча, иначе не смогла бы лисица поднять клан из нищеты и довести его до верхних строчек таблицы.

— Игра? — Марет подпустила в интонации сомнения. — Удачи. Насколько мне известно, — она выделила эти слова голосом, подчеркивая, что ее осведомленности можно доверять, — у Дома блестящие стратегии и тактики, а наследница тренируется день и ночь. Правила вам не обойти, не больше одного покушения в год. Пусть вас и много, но численность здесь вряд ли поможет.

Пинит спокойно кивнула, все так же глядя в окно, и Марет отругала себя за глупость: конечно, лисица об этом подумала и сама, ее замечание сейчас — сотрясение воздуха.

— Дело не в количестве покушений, а в их меткости, — произнесла Пинит, поворачиваясь к Марет и вперивая в нее ледяной огонь взгляда. — И вот здесь мне нужны вы.

— Лиан вступать в Игру через год, — Марет качнула головой с тяжелой крепостью сложной прически, — она будет ждать удара.

— Будет, — кивнула Пинит, — а его не последует.

— Притупить настороженность, дать расслабиться? — Вороница усмехнулась. — Тиор не из тех, кто допустит такое отношение.

— Мне нужно будет лишь знать, когда она отправится с кем-нибудь во внешний мир. — Глаза Пинит лукаво блеснули. — Вот поэтому мне и нужны вы. Сделайте так, чтобы я узнала об этом в течение двух часов. Большого от вас не требуется.

Марет задумалась. На игроков нападали по одному, неважно, в каком мире, хоть и отдавали предпочтение внутреннему. Если потенциальная жертва была с кем-то, это усложняло и нападение, и чистоту ведения схватки: подверженные инстинктам, сторонние хеску могли броситься в Бой, что являлось грубейшим нарушением, губительным и для того, кто вмешался, и для того, кто подвергся непрошеной защите. Все хеску прекрасно знали это, однако стоять и смотреть, как твой друг бьется за свою жизнь, ничего не предпринимая... Это было невыносимо тяжело, и история Игры знала достаточно печальных примеров, так что нападения старались подгадывать на моменты уединения потенциальной жертвы. Никто, конечно, не ходил парами, пытаясь защитить свою шкуру, — понятие чистоты Игры все же существовало, и такое неприкрытое жульничество никому даже в голову не приходило. Если застать Лиан врасплох...

— У вас будет год, чтобы обеспечить поступление сведений, не вызывая подозрений, — продолжала Пинит, видя задумчивость вороницы. — Остальное не ваша забота.

Звучало не так уж сложно. Звучало даже вполне себе выполнимо. Марет знала, что в клане имеет осязаемый вес, и многие представители старшего поколения, в том числе

и сотрудники Марака, питали к ней известную приязнь, основанную на благородстве ее происхождения и безупречности манер. С ее связями добыть нужную информацию, к тому же не секретную, труда не составит.

— Зачем мне это делать? — тихо произнесла она, не то чтобы уже соглашаясь, но давая надежду на положительный ответ. — И в любом случае остается Тиор.

— Владыка воронов размяк, — Пинит произнесла это как оскорбление, словно сплевывала горечь с губ. — Вы видели, как он на нее смотрит? С какой гордостью? — Марет кивнула. С появлением наследницы Тиор и правда изменился, особенно в последние годы, когда утвердился в мысли, что спасение найдено и все пойдет своим чередом. — Уверена, потеря последнего потомка его подкосит достаточно, чтобы на какое-то время выбить из колеи. Тогда он станет легкой мишенью.

— И вы завоюете клан, — помертвевшим голосом закончила Марет. Такого не происходило уже давно, почти столет. Игра хоть и сохранила свою неумолимость, глобальных перемен в ней не происходило. Никто не вырезал правящий Дом. Никто — кроме Пинит Минселло...

Пинит легко и открыто встретила взгляд Марет, и та, задумавшаяся о схожести их характеров, внутренне содрогнулась: все же массовые убийства были ей чужды. Но именно так поднялись лисы, когда Пинит стала Владыкой, — уничтожили Высокий Дом вепрей. Лисы были бедным кланом, но очень многочисленным, и Пинит неумолимо бросала на острие ритуальных клинков своих родственников одного за другим, пока Высокий Дом Нипка не закончился. Да, это заняло время, да, Дом Минселло поредел, но они получили (и продолжали получать) огромные деньги — половину всех доходов вепрей на четыреста лет. Откуп завоеванных, приправленный лишним веком желавшего сберечь свою жизнь Владыки.

Марет слышала, во внешнем мире его, изгнанного, лишённого Силы, даже не считающегося больше хеску, нашли и убили свои же. За трусость, за увеличение срока оброка, тяжким бременем легшего на клан.

Тиор, конечно, так не поступит. Он же благородный — пожертвует собой, лишь бы не сделать воронам хуже. И все же триста лет — долгий срок. Марет мечтала о власти, но не таким путем, не над разбитым поражением, сломленным, обедневшим кланом.

— Я сокращу срок дани. — Изумрудные глаза Пинит на фоне светлой кожи в россыпи неуместно легкомысленных веснушек блестели почти безумным блеском. — Скажем, лет до пятидесяти-семидесяти.

Марет подавилась воздухом. Пятьдесят лет вместо трехсот?! Дань накладывалась на поколение, и вступивший в права новый Владыка не видел просвета, пытаясь свести концы с концами и надеясь, что хотя бы дети его детей смогут вздохнуть свободно, но при таких сроках у нее появлялся шанс наслаждаться своим положением еще долгие десятилетия.

— Неофициально, конечно, — продолжала Пинит так спокойно, будто они обсуждали погоду. Палец ее чертил на столе бессмысленные завитушки, и Марет невольно обратила внимание, что глава лисов, не имея возможности надеть перстень с клановым изумрудом, не носит на руках никаких украшений. — Для Совета все останется по-прежнему, и еще ваши внуки будут платить моим, но восполнить эту брешь проще простого, поверьте.

Она замолчала, изучающе глядя на Марет. Ни тени беспокойства, ни вуали сомнений, только легкая улыбка на губах и живой интерес в глазах, словно они говорили о предпочитаемых фасонах платьев. Марет, напряженную, как сжатая пружина, просчитывающую риски, внутри трясло крупной дрожью, и даже ладони, внезапно вспотевшие, скользили по ребрам веера.

Она уперла взгляд в дубовый лист, лежащий на столе. Хорошо, что столик их угловой и его никто не видит, — откуда было взяться в Сат-Нареме живой зелени, здесь только туман да почерневшие стволы деревьев, полегших от древнего катаклизма, чья древесина ценилась дороже золота. Тот, кто приносил в Сат-Нарем свежее растение, неминуемо имел выход во внешний мир, а это порождало много вопросов.

Слишком много. Вороница с удивлением поняла, что Пинит расставила ей странную ловушку: понимая, что Марет поймет риск такой улики, лежащей прямо на столе, лишица вынуждала ее либо принять лист, либо откинуть, отвергая и предложение.

Хитра, что скажешь, хитра.

Марет сжала губы и вновь посмотрела в лицо Пинит, которое теперь оттеняла выбившаяся из-под капюшона огненная прядь.

Боясь передумать, Марет, забыв о грязи на столе, накрыла дубовый листок ладонью и скинула себе на колени.

Пинит Минселло улыбнулась.

Пинит шла по улицам Сат-Нарема легко. В отличие от Марет, которая стремилась как можно скорее покинуть бедняцкий дикий квартал, Владыка лисов чувствовала себя здесь, среди трущоб и грязи, совершенно спокойно. Неподалеку от нее, в зоне видимости, бежали в истинном облике двое лисов — сыновья, которым она доверяла больше всего.

Ярко-рыжие волосы Пинит надежно укрывал капюшон, и сейчас, в потертом плаще и стоптанных сапогах, она мало чем отличалась от основного населения этого квартала.

Путь был неблизкий: сначала до квартала шакалов, от туда — через общие территории при твердыне Совета и лишь

от богатого рынка у Оухшикафа к себе, в квартал лисов и в Милитику. Там уже можно будет опустить капюшон и гордо вскинуть голову, наслаждаясь вниманием и почтением встречных, уважительными поклонами и слепым обожанием в глазах. Лисы знали, кому обязаны всем. Старшее поколение еще помнило, как жилось при Сипти, отце Пинит, когда лисы в прямом и переносном смысле прозябали в грязи. Тогда, почти двести лет назад, когда сама Пинит была еще только девчонкой, никто не воспринимал их всерьез и в обиходе даже прижилось пренебрежительное выражение «грязный, как лис».

Пинит слишком хорошо помнила те времена.

Сейчас, шагая по извилистым улочкам дикого квартала, смотря, как стоптанные сапоги ступают на выбившуюся брусчатку, перемешанную с грязью, она с извращенным удовольствием вспоминала годы своей юности. Годы, которые провела вот в таких кварталах, одетая лишь чуть лучше, чем уличные детеныши. Большая часть из них донашивала обноски старших братьев и сестер, а те — родителей, и так по кругу. Самым младшим порой доставалась одежда настолько истлевшая, что через нее было видно немытое тело, и в холодные дни мелюзга предпочитала оставаться в истинном облике, греясь в перьях или меху.

Простая хлопковая одежда Пинит уже становилась предметом зависти только потому, что на ней отсутствовали дыры, а шерстяной плащ — выношенный, старшей сестры — считался невероятной роскошью.

Как и еда, которую она периодически прихватывала с собой из Милитики: рядовые дикие хеску питались картошкой, репой и брюквой — неприхотливыми овощами, которые выращивали во всех твердых, снабжая неприкаянное население. Свежий помидор или огурец, яблоко или груша — того, что периодически оказывалось на столе Пинит, дикие детеныши не видели никогда, и юная лисичка приносила

драгоценные плоды на самые темные улицы, обменивая их на детские сокровища.

С той поры у нее осталась и привычка носить основную массу волос распущенными — на всех женщин Дома Минселло у них была лишь одна горничная, и до младшей дочери Сипти руки у нее доходили в последнюю очередь, когда та, улизнув от не слишком настаивающих на уроках учителей, выбегала в город.

Детей было слишком много, чтобы за ними следить, как и проблем.

Как-то раз — Пинит тогда было лет одиннадцать — она выбралась из твердыни, сжимая в кармане зеленое яблоко с красным боком, и направилась по привычному маршруту к своим городским приятелям. Суетливая толпа у рынка Оухшикафа мало обращала внимания на очередную рыжеволосую девочку, и Пинит получила достаточно тычков от проворных хозяйшек с корзинами, стремящихся набрать свежий товар.

И вдруг все замерло. Толпа как по команде обернулась в одну сторону, засуетилась, уступая дорогу: между лотками торговцев неспешно и величественно, в окружении затянутых в черное рослых охранников шла женщина. Пинит еще никогда не видела кого-то столь прекрасного идвигающегося с такой грацией.

Вороница ступала не торопясь, словно замершая в изумлении и раболепии толпа ее нимало не смущала, словно она вообще была здесь одна. Пинит привстала на цыпочки, чтобы лучше видеть, и, поработав локтями, пробилась в первый ряд.

Черные как ночь волосы были уложены в сложную прическу с обилием кос. Подол черного платья едва заметно покачивался на каждом шагу, вспыхивая россыпью самоцветов, которые извилистыми дорожками поднимались до лифа платья, сливаясь в сверкающее фиолетовое облако. Изящные

руки, униженные перстнями и явно никогда не знавшие работы, были сложены на веере. Большие черные глаза смотрели с любопытством и приязнью, и, куда бы вороница ни обратила свой взор, каждый торговец склонялся в глубоком поклоне, предлагая бесплатно взять фрукты, овощи или зелень.

Она была такой... чистой. Такой сияющей, несмотря на цвета одежды. Пинит закусил губу. Ей тоже хотелось идти по улице вот так, вызывая восхищение и зависть, и чтобы за ней тоже следовали четверо охранников с цветными ромбами на груди.

Когда она поравнялась с Пинит, та ощутила едва уловимый аромат сирени, исходящий от ее одежды, и неожиданно чихнула. В повисшей тишине звук получился оглушительным, и на Пинит мгновенно устремились все взгляды.

Обернулась и вороница.

Пинит уже приготовилась огрызаться, но на смуглом лице женщины — сейчас, вблизи, Пинит видела, что та еще молода, не переступила порог первой сотни лет, — появилась лишь теплая улыбка.

— Привет. — Она остановилась прямо напротив Пинит, элегантным движением махнув следовавшим за ней по пятам охранникам.

Лисица, смутившись от неожиданности, просто кивнула, чем тут же породила в толпе гул недовольства, — что за дерзость?

Женщину, казалось, поведение Пинит ничуть не смутило, и она снова приветливо улыбнулась.

— У тебя очень красивый цвет волос, — произнесла вороница и, потянувшись, пропустила между пальцев огненно-рыжую прядь. — Как тебя зовут?

Пинит вскинула подбородок и чуть выпятила впалую грудь. Может, лисы и бедный клан, но она — член Высокого Дома, и стыдиться ей нечего.

— Пинит Минселло, — гордо произнесла она, глядя воронице прямо в глаза.

Толпа вновь забормотала, но теперь уже с удивлением глядя на лисицу: эта замарашка из правящей семьи?

— А меня — Лимрат Базаард, — представилась вороница, склоняя голову набок и разглядывая девочку. — Ты очень красивая, ты знаешь об этом?

Пинит опешила. Никто никогда не говорил ей, что она красивая, — не до того было матери, тем более не до того отцу. Да и кто разглядел бы в остром личике с резкими скулами и колкими глазами красоту?

Лимрат оглянулась на раскинувшиеся вокруг лавки и, задержав взгляд на одном из своих охранников, махнула в сторону ломящихся от снеди прилавков.

Ворон тут же подошел к ошалевшему от оказанной чести продавцу, который уже сгребал в добротную сплетенную корзину фрукты: яблоки, груши, персики, сливы.

Когда корзина наполнилась, ворон поставил ее у ног Лимрат и вернулся на свое место — темный и недвижимый, как изваяние.

— Мне кажется, ты много времени проводишь на улице, — проговорила вороница, и Пинит, все еще не совсем понимая, куда та клонит, кивнула. — У тебя наверняка есть друзья среди уличных детенышей? Ну конечно. — Лимрат присела на корточки, положив узкую ладонь на ручку корзины. Подол ее платья опустился в пыль, но вороница даже не посмотрела вниз, нимало не озабоченная судьбой богатого наряда. — Я буду тебе очень благодарна, если вы с друзьями разделите эту корзину. Можешь оказать мне такую услугу?

У Пинит закружилась голова. И от запаха фруктов, который долетел до ее чуткого носа, и от факта того, что высокородная шеру из Дома Базаард просит ее об услуге. Собственное яблоко — зеленое и кислое — вдруг показалось Пинит никчемным огрызком.

Она быстро покосилась на корзину — та просто ломилась от угощений, ее даже нести будет тяжело — и уверенно кивнула.

— Вот отлично, спасибо тебе. — Улыбка вновь озарила лицо Лимрат, осветив глаза. — Я буду рада увидиться с тобой снова, шеру Минселло.

Она двинулась дальше так же спокойно и степенно, и четверо воронов неслышными тенями скользили за ней, пока ошастливленный вниманием продавец продолжал рассыпаться в благодарностях и пожеланиях всяческой удачи Дому Базаард, пересчитывая монеты.

Толпа сомкнулась, мгновенно забыв о маленькой представительнице Высокого Дома, — куда интереснее была хеску богатая, чем бедная.

Пинит подхватила корзину и, отбежав за угол, быстро рассовала часть фруктов по карманам. За две сливы она наняла мальчишку-волчонка донести корзину до дикого квартала, а там уже ее приятели сами стеклись на запах.

Они устроили настоящий пир, и Пинит широким жестом разрешила приятелям забрать часть фруктов домой, чтобы поделиться с братьями и сестрами. Одна девочка — долговязая бледная косуля, постоянно шмыгающая носом, — выпросила у нее даже корзинку, сплетенную из блестящих крашеных прутьев: такой красоты в диких кварталах отродясь не водилось.

Пинит на всю жизнь запомнила тот день: красоту старшей сестры Тиора, ее спокойную ненавязчивую властность, будто весь мир принадлежит только ей; вкус фруктов и сладкий персиковый сок, стекающий по подбородку; тяжесть корзины в руках и счастье от предстоящего пира; а главное — восторг и безразличие толпы и то, как Лимрат произнесла «шеру Минселло», словно впервые назвав Пинит настоящим именем.

С тех пор прошло много лет. Исчезла в тумане Лимрат, неожиданно для всех спустившаяся к земле в окружении охранников, расширился рынок, называемый в народе Совиным. Но Пинит помнила эти взгляды — так смотрели на замарашку, на бедную девчонку из Младшей семьи.

Она все изменила. Кровью, потом, смертями, обманом, подкупом — но изменила, и теперь квартал лисов выглядел так же богато, как и квартал воронов, а на Совином рынке можно было увидеть рыжеволосых хозяек, набивающих товаром добротные корзины. Лисы больше не бедствовали, отмывшись от грязи, отучившись смотреть вокруг голодными вороватыми глазами, и знали, кого нужно за это благодарить.

Лисы помнят, лисы знают.

Сейчас, в свете клонящегося к вечеру дня, Пинит шагала по улицам, где прошло ее детство, и посмеивалась над Марет, боявшейся запачкаться, казалось, о сам воздух этих мест.

У кособоких домиков все так же играли чумазые детеныши, поджидавшие родителей с работы, старшие все так же одним глазом следили за младшими, а другим — за ходом игры в «камушки». Время шло, но ничего не менялось.

Обеспечив свой клан, Пинит оглянулась на тех, с кем прошло ее детство, желая помочь и им по мере сил, но помогать оказалось некому: те, что были посноровистее, как-то да пробились в жизни и теперь заботились о себе сами, а менее удачливые ушли в туман, кто лишившись человеческого мышления, а кто прирастившись к выжанке или Зеленой Соли — дешевой отраве, дарующей кратковременное забытие, но сокращающей срок жизни.

Тогда Пинит поняла одно: чтобы кому-то помочь выбраться, надо, чтобы он сам этого хотел. Львы, например, хоть и считались дикими, уже давно вели себя образцово, избрав единое правление в лице вожака и во всем поддерживая друг друга. Они оказались отличными мастеровыми,

и дома богатых хеску полнились резными стульями и скамьями, посудой тонкой росписи и ткаными коврами. Медведям буйный нрав мешал заниматься созиданием, но они нашли свою нишу, превратив рукопашные бои в организованный спорт, и зарабатывали на тренировках, ставках, показательных выступлениях и охране.

Кто хотел, выбирался со дна Сат-Нарема, поднимаясь на верхние этажи пусть и не твердынь, но добротных крепких домов.

А кто-то ютился в сырых лачугах, предпочитая искать в грязи стертые медяки и ворчать на несправедливость жизни.

Пинит уверенным шагом приближалась к Милитике, ловя восторженные взгляды и зная, что этот мир принадлежит сильным.

Когда задняя дверь скрипнула, Житор вскинул на нее настороженный взгляд, нащупывая дубинку под прилавком, — жизнь в диком квартале научила его бдительности.

— А, это ты. — Он разжал пальцы, сомкнувшиеся было на обмотанной кожаными ремешками рукояти. — Что-то рановато сегодня.

Тантари кивнул, уже скидывая потертое пальто, давно приобретшее невразумительный серо-бурый цвет, и бесформенную кепку.

— Смена закончилась раньше, — пояснил он, резко дергая головой из стороны в сторону так, что хрустнули позвонки. — Чего нового?

Житор, все это время не сводящий с Тантари внимательного взгляда, поджал губы. Умом он понимал, что парень задал вопрос просто так, чтобы поддержать разговор,

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

